

Василий Иванович Немирович-
Данченко

Господин пустыни

**Немирович-Данченко
Василий Иванович
Господин пустыни**

В.И.Немирович-Данченко
ГОСПОДИН ПУСТЫНИ
I. МЕРТВАЯ ПУСТЫНЯ

Палевая пустыня с синими тенями от нанесенных самумом песчаных бугров. Все они, как волны в океане, гребнями в одну сторону. До боли всматриваешься вдаль: не мелькнет ли что, не скажется ли на этом мертвом просторе, хотя бы случайно, жалкая крадущаяся жизнь. Нет, - все кругом и впереди и позади недвижно... Опаловое небо слепит. Солнце заливаает этот уголок Сахары таким палящим огнем, что вода в козьих мехах сохнет.

Еще час назад на западе мерещился сквозь тени призрачными очертаниями чуть выступающий на этом знойном небе дрожащий мираж Тафилета: четырехугольные массивные профили его мечетей, тяжелые белые куполы и бесчисленные ступени белых плоскокровельных домов. Но теперь, когда, собирая последние силы, оглядываешься, - уж ничего там не различаешь, кроме однообразных гребней песчаных волн. Хоть бы на одном из них закурился дымком взрытый ветром песок!

Нет! Недвижима и молчалива пустыня, и если бы не звонки нашего маленького каравана и не тихая песня араба рядом, я бы думал, что все замерло, ничто не дышит кругом...

За весь первый мучительный день я помню только белые кости верблюдов, зловещей полосой намечавшие нашу дорогу между песчаными буграми, да большую серую змею, переползавшую путь... Только к вечеру в песчаных буграх показались расщелившиеся серые камни... На песке показались мягкие следы... Верблюды втягивали в себя воздух, арабы ожили... Воздух так же жег и пламенел, но они привыкли в Сахаре издали угадывать источник...

- Здесь ходят львы, - говорили они, - значит, близко вода. "Господин пустыни" не может жить без нее...

Так недалеко от Тифалета, - всего один день пути, - и уже львы!

Мне, видевшему их только в клетках зоологических садов и в детстве начитавшемуся о необыкновенных приключениях путешественников, стали чудиться чуть не за каж-

дым камнем их рыжие косматые головы.

Сразу исчезло оцепенение от этого измучившего меня своим зноем солнца. Даже головную боль от морской зыби верблюжьего бега точно рукой сняло. В этом, полном огня воздухе все, казалось, дрожало: и песчаные валы, и серожелтые камни... И, вглядываясь в ущелья между сыпучими горами, я уже различал какие-то силуэты...

II. ЛЬВЫ!

К источнику раньше нас подошел другой караван.

- Как бы не выпили всей воды!

Та, которая сохранилась в наших мехах, была горяча и загустела в противную муть.

- Нет. Через час вода опять наполнит выбоины... - ответили мне арабы.

Маячили беспорядочно разбросанные тонкие и темные силуэты верблюдов. В нескольких местах чуть-чуть синели струйки дыма от костров, прямые и стройные в неподвижном воздухе. И странно, - ни одной пальмы не было около.

- Отсюда их и не увидать... Они в тени тех вон скал.

Проводник на одном из каменных выступов зачем-то остановил наш караван. Со мной был бинокль. Я взглянул в него, - действительно, под бурыми утесами выступили едва намеченные жалкие деревья. Еще далее, на самом гребне горных скал, что-то мелькнуло и скрылось. Выступило опять. Разбилось на два медленно скользившие тела. Я указал туда проводнику.

- Это - "господин пустыни" с своей женой. Верблюдов чуют...

В поле зрения бинокля чуть намечалась пара львов. Снизу караван их не видел. Могучие хищники заранее высматривали добычу. Я представлял себе, как они судорожно и злобно царапают накалившийся камень, как бьют по нем хвостами, как припадают к земле, нюхая пахнувший живьем и дымом воздух.

- Ночью не придется спать...

- А что?

- Львы возьмут или у них или у нас верблюда. Голодны. Иначе днем не показались бы...

Отсюда шел крутой спуск.

На одном из поворотов меня так и отбросило в сторону.

Вдруг с земли поднялась длинная шея. К нам обернулась голова с прекрасными страдальческими глазами. Брошенный верблюд хотел подняться на ноги. Сделал последнее усилие и всей своей тяжестью рухнул на песок, окутавший его золотым облаком... Передние ноги были сломаны. Накалившаяся земля уже выпила горячую кровь из ран, и там, куда она пролилась, только чернело... Должно быть, поскользнулся, упал... Наши верблюды проходили, осторожно и опасливо оглядываясь, старались дальше отодвинуться от этой жертвы, брошенной пустыне. Только их головы на длинных шеях поворачивались к ней, тяжело дыша вздрагивающими тонкими ноздрями.

Когда мы почти миновали несчастное животное, оно вдруг жалобно и резко послало нам вслед длинный, медлительный последний крик. Еще живое, оно прощалось с живыми...

- Так нельзя оставить его, - обратился я к переводчику.

- А что?

- Что же ему страдать!.. Ведь тут каждое мгновение невыносимая мука.

Тот перевел проводнику.

- Умиравший верблюд спасет живых: львы почуют его скоро, и с них будет довольно и этой добычи. Этому брошенному недолго мучиться. Как только сядет солнце - львы будут здесь...

Дымки пастухов выступали яснее.. Беспорядочный шум бивака в пустыне уже долетал к нам странными, гортанными и резкими, как птичий клекот, звуками.

III. НОЧНАЯ ТРЕВОГА

Вечер пустыни. Солнце еще не село, - оно нестерпимо сверкает в океане слепящего пламени, а по спаленному лицу Сахары уже бегут, колеблются и растут странные изменчивые тени. В воздухе еще не погасли искры томительного дня, а возбужденное ухо уже ловит, если не самые звуки, то призраки, миражи звуков.

Чудится, будто откуда-то крадется чье-то дыхание: коварное, подстрекающее, стелющееся по земле. Чу... Издали доносится грозное,

властное рычание косматого зверя, не знающего себе соперника на всем этом просторе...

Ниже и ниже солнце... Настала ночь...

На укрепленных в податливом песке жердях черные кошмы. В их устьях огоньки погасающих костров.

Голоса под шатрами смолкли. Луна, громадная, страшная даже, все обливала своим мерцанием. Как глубоко молчит пустыня! Даже рычание львов не нарушило этой тишины. В синем свете белели кости павших верблюдов.

Чу, что это? Залаяли собаки, пугливо и трепетно забились на своих привязях усталые верблюды. Один ворвался, и вдруг перед лунным пятном у входа в мой шатер обрисовались его тонкие, казавшиеся черными ноги. Кто-то встал, подхватил и отвел его. Зарычало в другой стороне, - и опять раздалось трусливое тьяканье псов.

Где-то вспыхнул огонек, другой. Никто уже не спал. Люди выползали с ружьями. Как будто треснуло несколько крупных сучьев, раздались выстрелы, где-то далеко-далеко повторило их эхо бурных утесов. Еще раз... Арабы пу-

Гали львов: не спим-де - сторожим.

- Ты знаешь, как крадется лев? - говорил мне переводчик. - Я видел таких в лесной чаще у вод Аль-Могари. Ни листок не шевельнется, ни сучок не сломится, а ведь они больше быков здесь. Он животом по земле ползет. Вытянет лапу, в корни вопьется и тянется вперед. Как дышит, и то его не слышно...

IV. УКРАДЕННЫЙ ЛЬВЕНОК

Между арабами точно застывает тихая, тихая, смолкающая и опять вспыхивающая беседа.

- О чем вы говорите?..

- Мой приятель, Абд-эль-Амру, двадцать семь лет назад привез из пустыни львенка...

- Зачем?

- Дочь каида, смеясь, сказала ему: когда ты отымешь у львицы ее детеныша, тогда и я буду тебе женой под черной кошмой твоей бедной палатки.

Это слышали другие. Наедине молодой араб обратил бы все в шутку. Тем более, что ему не на чем было уйти в пустыню. Не пешком же добывать львят из их логовища! Он тогда только пас чужих верблюдов. Своей у

него оказывалась только собака, да и та сама кормилась где попало, причем хозяину случилось ей завидовать. Часто от голода он ложился в накалившийся солнцем песок - средство, до сих пор знакомое бедным марокканским пастухам...

- Львенок будет у тебя... - сказала девушка, - или...

- Что "или"?

- Или ты никогда меня больше не увидишь.

В одну светлую лунную ночь Абд-эль-Амру украл у ее отца лучшего из верблюдов и отправился в пустыню за львенком.

Верблюд так несся вперед, как будто пустыня сама бежала ему навстречу. Скоро огни Тафилета погасли позади... Рядом скользила по бледным пескам синяя тень. Показались первые утесы. На бегу мелькнул мимо источник оазиса. Львы скоро начали перекликаться в пустыне... Замирал рев направо, - и далеко, далеко слышался ответный налево.

С Абд-эль-Амру были только тонкое и длинное копьё да нож. Такому нищему даже и не снилось ружье, хотя из чужих он стрелял

хорошо... И второй источник попался на пути. Тут араб вымыл верблюду ноздри и ноги, дал ему сделать два-три глотка, чтобы скакун не отяжелел на бегу.

Ночью львы на добыче; детеныши в логовищах. Лежат и ждут, пока родители не вернутся с добычей. Играют на лунном свете, мурлычат, облизывая друг друга.

- Как он мог отыскать их?

- По запаху. Логовица львов чувят здесь издали. Воздух пустыни так чист, что дыхание зверя дает себя знать на большом пространстве.

- А запах верблюда, на котором он несется?

- Бег так быстр, что испарения его кожи остаются позади. Потом около логовища всегда есть остатки от старой добычи - необглоданных костей, изодранной шкуры.

Абд-эль-Амру скоро почуял в стороне убежище льва и его семьи... Он направился туда и увидел спавших у камня двух львят величиной с комнатную собаку. Живо он захватил их и оглянулся назад... Теперь надо было уходить как можно скорее. Каждое мгновение могла вернуться львица. Да и детеныши ба-

рахтались в его руках и визжали и мяукали, так что чуткая мать услышала бы их на далеком расстоянии... Львята царапали арабу и ноги и руки.

Он захватил обоих за уши, а скакун сам направился назад к Тафилету, уже не руководимый всадником. Бугры за буграми мелькали по сторонам. Далеко позади оставалось палевое облако взрытого песка. Из-под него часто под самые ноги верблюда подвергивались белые оглоданные ребра и черепа... Все было бы еще хорошо, если бы не визг львят в тишине пустыни...

Вот первый оазис близко. В лунном свете стали заметны его чахлые пальмы. Араб хотел было остановиться, освежить верблюда, но вдруг позади раздался такой полный отчаяния и бешенства рев, что молодые львята, узнав голос матери, завертели в его руках и забились... Рев повторился еще отчаяннее и неистовее. Верблюд почувствовал позади несущуюся за ним смерть. И, казалось, уже не бежал, а летел по пустыне.

Пронзительно мяукали львенки, остервенело редела нагонявшая их мать. Оглядыва-

сь, араб уже видел ее, то проносившуюся над песчаными буграми и темными камнями, то стлавшуюся по земле и царапавшую песок своими мощными когтями. Сколько времени неслись они так, он не знал - час или мгновение...

Чтобы заставить молчать львят, араб сильно прижал их к себе, но они изорвали ему грудь тонкими, как иглы, когтями. Он прижал их к торчку своего седла, и те завизжали от боли еще пронзительнее и оглушительнее, а почти в самое ухо всаднику заревела тоскующая мать. Что-то круглое ударило ему в спину, и верблюд подпрыгнул, точно хотел унести в небо от когтей, разодравших ему спину.

Абд-эль-Амру обернулся. Львица скатилась с верблюда и припала к земле для нового убийственного и быстрого, как выпрямившаяся пружина, прыжка. Гибель была неизбежна. Араб мгновенно сообразил, что надо делать, и швырнул назад ей одного из детенышей. Кувыркнувшись в песке, с жалобным воем распластался львенок. Мать бросилась к нему и начала жалобно облизывать и воро-

шить его.

Абд-эль-Амру свободною теперь рукой выхватил висевшее у пояса копьё. Приподнялся на мягких стремянах - петлях - и со страшною силою пустил копьё. Он, уже не оглядываясь, неся вперед... Раненая львица ревела позади. Может быть, она бессильно распласталась на неостывшем за ночь песке пустыни и уже исходила кровью. Остановливаться было некогда, хотя в таком случае он мог бы захватить и брошенного им львенка.

Ведь каждую минуту крики раненой львицы мог бы услышать ее могучий самец, если он не унесся за добычей в противоположную от нее сторону. Там, где добыча редка, лев часто расстаётся с львицей, вместе они охотятся только у жилых мест и у оазисов, куда пристают караваны...

Смутные очертания белых зубчатых стен и башен Тафилета показались под утро, когда яркие звезды пустыни меркли, и на востоке небо Сахары облилось кровью восхода. Поднявшееся солнце зажгло весь город. Точно запылали в его огне белые стены и кровли... Абд-эль-Амру поставил верблюда назад в

стойло каида и вышедшей за водою бронзовою красавице швырнул под ноги рыжего и мягкого львенка...

- Зачем он был ей? - на этом закончил свой рассказ мой проводник и добавил:

- Это время далеко. Теперь и "господин пустыни" уходит от нас. То ли мы слышали в такие ночи! Пустыня ревела сотнями львиных глоток. Казалось, ее камни обращаются в косматые гривы и орут на весь этот простор. Наши шейхи и каиды у своих ворот держали львов на цепях. А у султана в Феце они сидели в клетках, и часто им кидали туда мятежников, - тех, кто поднимался против угнетения...

- Связанных?

- Нет. Султану было бы не на что смотреть. Осужденному на львиную смерть давали в руки нож и щит. И он умирал, защищаясь, как и подобает отважному. Случалось таким и побеждать льва. Я видел сам раз такого. Эти битвы были ужасны. Человек и зверь сплетались в клубок. Рычал один; в смертных воплях исходил другой. Кровь их смешивалась, и когда лапы "господина пустыни" раздирали

спину мятежнику, он, бывало, распарывал могучему врагу своему живот. Тут был бой - грудь с грудью. Для прыжка и разбега клетка не давала места.

Иногда видели, как и тот и другой подолгу мерялись пылающими глазами. Человек - прижимаясь в угол и держа перед собою щит, зверь припав в другом и раздувая ноздри на обреченную ему добычу... Мне говорили, что раз такую добычу бросили сытому льву, и тот только сонно смотрел на него, хлопая хвостом оземь. Только когда пленный шевелился, лев злобно рычал, приподымаясь на передние лапы.

Лучшие рабыни кормили таких львов. К каждой клетке было приставлено по одной, и никогда "господин пустыни" не трогал ее. Если бы захотел, он бы ударил лапой невольницу. Она часто гладила его гриву, брала его за когти, говорила с ним, и лев только жмурился и тихо рычал от удовольствия. Сколько раз я видел таких из племени Бени-Ассан. Они засыпали, прислонясь спиною к клетке... Помню, раз лев положил ей на плечо лапу, и сам опустил веки - задремал. Невольницы входили

ли к львам в клетку...

У одного кайда лев зарычал было на рабыню. Другой - сильный, недавно привезенный из пустыни - кинулся на нее и прокусил ей горло... Давно это было.,.

Забрезжила вскоре заря, и страхи ночи кончились.

V. ПОЕДИНОК ЛЬВА С БУЙВОЛОМ

На другой день мы вышли на большую дорогу караванов, змеившуюся по спаленной пустыне песка сплошную полосую белых косяков лошадей и верблюдов. Тут уже чаще были оазисы, и сладко дремалось в тихом шелесте их пальм, шептавшихся у прозрачных вод ручья. Кое-где встречались темные шатры кочевников, и из-под их тени пристально следили за нами суровые глаза арабки, которм солнце, казалось, сообщило свой беспощадный, насквозь пронизывающий блеск.

В чистых и сухих зарослях тут слышался зловеший шорох. Через тропинки порой ползли большие сытые змеи, шипя в нашу сторону и раскрывая пасти, в которых трепетали тонкие раздвоенные языки. Как изумруды, сверкали злые глаза, и длинное кольчатое

тело, точно прут, свивалось в чащу... Вечерами здесь пели невиданные птицы, и назло ученым, поставившим магрибский восток вне пределов досягаемости для ярко-красных фламинго, мы часто по зорям видели их, прилетевших к далеким заводам.

Помню, мы раз отошли от арабского поселка. Тут, в оазисе, уже не было тишины пустыни. Чиликало в листве, свистало в траве, подернутой цветами, и сухо и оглушительно верещало в застывших в свете и зное кустах. Пахлопряно и возбуждающе какими-то благоуханиями...

На одном из поворотов дороги вдруг ехавший впереди Абд-эль-Амру чуть не слетел с верблюжьих горбов, - так "корабль пустыни" под ним точно поддало назад.

Я не успел остановиться, - на этот раз я был на коне, - и конь вынес меня вперед, в чащу... Точно по сигналу, замолкли птицы. Радужное облачко их поднялось в сторону, и только одни большие черные цикады неистово продолжали трещать и скрипеть по сторонам.

Моя лошадь тоже насторожила уши. По ее темной коже бежали судороги... Захрапела и

подавалась назад, и тотчас же влево послышалось мучительное, жалобное мычание.

Лошадь взвилась, не слушая удара. Я как-то сполз с нее, упал, встал и, точно опасность была позади, кинулся вперед...

Я теперь даю себе неясный отчет во всем происшедшем тогда. Мне казалось, что я ничего не видел перед собою: что-то громадное примерещилось в переплетах сухой и желтой травы за кустами. Оттуда меня обдало горячим паром, как будто чья-то пасть дохнула мне в лицо. Гигантский клуб перевившихся черного и рыжего тел, и по черному - яркие алые струи... Клуб этот хрипел, и сквозь хрипение что-то хрустело и хряскало... Клуб смотрел четырьмя глазами, и между ними бороздили землю большие могучие рога. Что было потом, я не знаю. Сзади на меня вихрем налетело что-то, схватило и подняло. Когда я очнулся, я сообразил, что лежу поперек верблюда Абд-эльАмру.

- Что это было?

- Ты безнаказанно видел, как лев терзает буйвола.

VI. В ОСАДЕ У ЛЬВОВ

Люди в поселке были в отчаянии. Раз львы повадились сюда, небольшому их стаду грозила неминуемая смерть.

У арабов этого племени были плохие ружья, да и тех не было дома. Местный каид потребовал к себе всю молодежь, так как ожидался набег соседей, давно собиравшихся отомстить ему за отбитое стадо.

Оставшиеся в поселке боялись отходить далеко в сторону от оазиса и сидели встревоженные, прислушиваясь, не раздастся ли издали зловещий рев льва. По ночам вокруг поселка били в двойные местные барабаны, стучали трещотками, нашли где-то старые рога и трубили в них навстречу предполагаемому хищнику.

Ночью я то и дело просыпался от этого адского шума и выходил к тихим струям, поперек которых от луны ложились тонкие тени пальм, и слушал жалобы арабов.

Накануне нашего предполагавшегося отъезда в селении поднялось неопишное смятение. Из одного шатра в другой перебежали косматые простоволосые арабки, перекликались с одного конца становья в другой; дети,

точно кто-то их швырнул полною горстью, рассыпались во все стороны.

Мой переводчик задыхался, и, весь изворачиваясь, как сырая ветка в огне, он, наконец, заорал в мою сторону:

- Господин, завтра нам нельзя будет одним двинуться в путь!

- Почему?

- Львы изорвали лошадь Абдуллаха... Вон он сам, Абдуллах, - едва дополз сюда. Спроси его...

Абдуллах из Тафилета ехал сюда, и под самым селением его настигли львы, должно быть, голодные, потому что напали среди белого дня. Он бросил им коня, когда увидел, что сейчас они будут на плечах у него, и сам даже рассказать не мог, как уполз от них. Не только уполз, но и ружье с собой приволок, не выпустив из него ни одного заряда.

- Я был один, - оправдывался он, - а за львом я разглядел вдали и львицу.

Когда вечером у тусклых огоньков костра собрался народ, - меня потянуло к нему.

Молчаливые арабы точно прислушивались к чему-то...

И в самом деле ждать пришлось недолго. С востока донеслось далекое рычание. Лев вышел на добычу...

Когда я взгляделся в сидевших тут, мне весь этот оазис показался каким-то жалким островком со всеми своими чахлыми пальмами и черными шатрами, затерявшимся посреди огненного и страшного океана безмолвной Сахары.

Что тут может сделать трепетная кучка полуборванных, спаленных ее солнцем арабов? Достаточно одного полета песчанокрылого самума, чтобы следующий караван не нашел даже места оазиса... И от шатров, и от этих бронзовых с черными глазами арабов не останется даже и следа. Эти подвижные валы пустыни передвинутся и все занесут своими сыпучими массами. А вскоре другой самум пылающими устами сдунет и этот караван.

Одни львы уйдут от этих уст. Им, как кораблям в океане, никуда не заказан путь!..

VII. ЛЬВИНАЯ ИГРА

Через два дня мы дождались каравана.

В розовом блеске утренней зари показались вдали длинной цепью черные верблю-

ды. Медленно двигались они к нашему оазису. Из шатров выползали обрадованные люди. Арабский поселок жил такими посетителями. Скоро издали слышались звонки, вынеслись вперед арабы на лошадях...

Караван был богатый. На верблюжьих горбах колыхались плетеные и коврами задрапированные пестрые клетки с женщинами и важными маврами, закутанными в белый шелк. За спинами у молодежи, гарцевавшей впереди, были ружья.

Перед нами развернулась одна из самых странных картин пестрого, красочного Магриба. Всадники развернулись длинной линией и с воинственным диким криком ринулись вперед. Мы любовались, как, вскакивая босыми ногами на горбатые седла, они стреляли вверх, вниз, по сторонам, вскидывали ружья и на стремительном бегу ловили их.

Вдруг раздался пронзительный сигнал, и вся эта беснующаяся масса замерла, точно прикованная к своим местам. Молодежь по новому оклику разделилась на две партии. В тучах песку они разбежались на далекое пространство, подбрасывая вверх ружья, ловя их.

Точно целили в кого-то и откидывались назад, будто заряжая. Одна партия обдавала другую оскорбительными вызовами, улюлюканием, какими-то пронзительными восклицаниями на верхних нотах. Отдельные всадники выскакивали вперед и, грозя дулами, проносились мимо враждебной стороны.

Наконец послышался оглушительный вопль. Группа молодцов кинулась сослепу вперед, стоя в стремях с прикладами у плеча. Бросились врассыпную, но по мере головокружительного бега выравнивались, так что минуту спустя уже неслись стройною, необыкновенно живописною линией.

Противоположная сторона ждала, поднимая ружья на прицел. Затрещали залпы, и в дыму и в песке точно свершилось чудо: в седлах никого. Всадники свернулись с седел, на которых болтались львиные шкуры. Охватив шею коня, ногами держась за стремя, мчались они под беглым огнем противника. Враги за ними. В это время женщины визгливо запели что-то...

Я обернулся к переводчику...

- Они славят этих охотников: "Богатыри

Магреба победили и перебили "господ пустыни". Теперь наши верблюды и буйволы могут спокойно пить воду речного оазиса, а дети играть на цветущих берегах".

С этим караваном мы на другой день выступили в путь.